

К 250-летию со дня рождения Н.М. Карамзина

ЮБИЛЕЙНЫЙ
КАРАМЗИНСКИЙ
СБОРНИК 2016

НАСЛЕДИЕ Н.М. КАРАМЗИНА
В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ
РОССИИ

Министерство искусства и культурной политики
Ульяновской области
Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека
имени В.И. Ленина
Ульяновский государственный педагогический университет
имени И.Н. Ульянова

**КАРАМЗИНСКИЙ СБОРНИК.
НАСЛЕДИЕ Н.М. КАРАМЗИНА
В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РОССИИ**

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции
(Ульяновск, 5–6 декабря 2016 г.)

Ульяновск
Корпорация технологий продвижения
2017

УДК 8Р1
ББК 83.3(2=Рус)4
К21

Редакционная коллегия:

Барсукова Н.А., зав. сектором издательской деятельности ОГБУК «Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека имени В.И. Ленина».

Беспалова Е.К., зав. научно-исследовательским отделом ФГБУК «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Родина В.И. Ленина».

Даранова О.Н., учёный секретарь ОГБУК «Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека имени В.И. Ленина».

Сапченко Л.А., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова».

Тихонова М.И., зав. информационно-библиографическим отделом ОГБУК «Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека имени В.И. Ленина».

Шаврыгин С.М., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова».

Карамзинский сборник. Наследие Н.М. Карамзина в истории и культуре России : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Ульяновск, 5–6 декабря 2016 г.) / Дворец книги – Ульян. обл. науч. б-ка им. В.И. Ленина, Ульян. гос. пед. ун-т им. И.Н. Ульянова ; отв. ред. О.Н. Даранова. – Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2017. – 316 с., [16] с. ил. : ил.

ISBN 978-5-94655-329-2

Сборник содержит статьи, посвящённые изучению биографии и творчества Н.М. Карамзина в контексте широкого круга исторических, литературоведческих, лингвистических, культурологических, краеведческих, библиотековедческих, музейных и других гуманитарных проблем.

УДК 8Р1
ББК 83.3(2=Рус)4

ISBN 978-5-94655-329-2

- © ОГБУК «Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека имени В.И. Ленина», 2017
- © ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова», 2017

Научное издание

**КАРАМЗИНСКИЙ СБОРНИК.
НАСЛЕДИЕ Н.М. КАРАМЗИНА
В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РОССИИ**

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции
(Ульяновск, 5–6 декабря 2016 г.)

Ответственный редактор О.Н. Даранова
Ответственный за выпуск С.В. Нагаткина
Технический редактор М.В. Веркова
Дизайн и компьютерная вёрстка Е.В. Власова

Областное государственное бюджетное учреждение культуры
«Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека имени В.И. Ленина»
432017, г. Ульяновск, пере. Карамзина 3/2

Тираж 150 экз.

ООО «Корпорация технологий продвижения»
432012, г. Ульяновск, ул. Державина, 9а

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Арт-Бюро»
432017, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 11а

Митич А.	
The Idea of State in N.M. Karamzin's Conservative Value System	96
Новеньков К.И.	
Карамзины. К истории рода	101
Петров С.Б.	
Буква «Е» в публикациях Н.М. Карамзина XVIII века	110
Рассадин А.П.	
50 лет назад. Или 200-летний юбилей Н.М. Карамзина в Ульяновске	115
Рудковская И.Е.	
Театр истории в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и нарративах его предшественников	119
Серягин С.Н.	
Письма русских путешественников:	
Николай Михайлович и Андрей Николаевич Карамзины	126
Шиппан М.	
Николай Карамзин в Берлине – лето 1789 года	133

ЛИТЕРАТУРА

Алпатова Т.А.	
Карамзинский энциклопедический словарь: каким ему быть?	165
Биткинова В.В.	
Две книги 1980-х годов о Карамзине («Последний летописец» Н.Я. Эйдельмана и «Сотворение Карамзина» Ю.М. Лотмана)	170
Боден Р.	
К вопросу о специфике французского эпизода «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина: определение путешествия и путешественника	177
Григорьева Е.Ф.	
Творческий путь писателя как путь духовного делания: С.Т. Аксаков и Н.М. Карамзин	190
Демидова Т.Э.	
Смысл заглавия повести Н.М. Карамзина «Остров Боргольш»	201
Драгайкина Т.А.	
Драматургические переложения повестей Н.М. Карамзина (1800-е годы)	209
Дуккон А.	
Предисловие к венгерскому изданию «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина (Издательство «Ráció Kiadó», Будапешт, 2016)	216
Дюрки К.	
Об особенностях «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина	221
Зубков Н.Н.	
Повесть «Марфа посадница» и её исторический контекст	227

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алпатова Татьяна Александровна, доцент кафедры русской классической литературы ГОУ ВО Московской области «Московский государственный областной университет», доктор филологических наук (Москва).

Аринахина Юлия Александровна, студентка ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова» (Ульяновск).

Ашихмина Антонина Викторовна, главный библиотекарь отдела редкой книги ГБУК Ставропольского края «Ставропольская краевая универсальная научная библиотека им. М.Ю. Лермонтова» (Ставрополь).

Баюра Луиза Петровна, заместитель директора ОГБУК «Ульяновский областной художественный музей», кандидат искусствоведения (Ульяновск).

Беспалова Елена Константиновна, заведующий научно-исследовательским отделом ФГБУК «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Родина В.И. Ленина», председатель Ульяновского регионального отделения Российского исторического общества (Ульяновск).

Биткинова Валерия Викторовна, доцент кафедры истории русской литературы и фольклора Института филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского», кандидат филологических наук (Саратов).

Бишицки Вера, филолог, славист, редактор и составитель книг, переводчик художественной литературы с русского языка (Берлин, Германия).

Боден Родольф, доктор филологии, профессор Страсбургского университета (Страсбург, Франция).

Гальчук Ольга Викторовна, научный сотрудник лаборатории литературы и театра ФГБНУ «Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования», кандидат педагогических наук (Москва).

Гвоздик Анна Богдановна, заведующий сектором ОГБУК «Ульяновский областной художественный музей».

Григорьева Елена Феофановна, писатель (Вологодская обл.).

Гушул Юлия Владимировна, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности, директор Научно-образовательного центра «Информационное общество» ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры», кандидат педагогических наук (Челябинск).

Девяткина Тамара Владимировна, ректор ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова», кандидат экономических наук (Ульяновск).

Демидова Татьяна Эрастовна, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова», кандидат филологических наук (Ульяновск).

Долгих Аркадий Наумович, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», доктор исторических наук (Липецк).

Долматов Антон Алексеевич, научный сотрудник ОГБУК «Ульяновский областной художественный музей», филиал – Музей А.А. Пластова» (Ульяновск).

Драгайкина Татьяна Анатольевна, научный сотрудник ОГБУК «Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Россий-

Боден Родольф
(Страсбургский университет, Франция)

**К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЭПИЗОДА
«ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н.М. КАРАМЗИНА:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ И ПУТЕШЕСТВЕННИКА**

(статья опубликована в авторской редакции)

Французский эпизод «Писем русского путешественника» – самый большой из всех эпизодов, составляющих карамзинский травелог. Однако, до публикации в 2014 году сборника «Николай Карамзин во Франции» («Nikolaï Karamzin en France»)¹, он не стал, в отличие от английского, швейцарского, немецкого, и даже эльзасского эпизодов, предметом отдельного исследования².

Изучение этого эпизода оказалось продуктивным во многих отношениях. Во-первых, оно позволило лучше поставить вопрос об отношении Карамзина к Франции, в контексте более широкой дискуссии о галломании и галлофобии в русской культуре XVIII века. Во-вторых, оно позволило лучше понять два основных вопроса, а именно вопрос о том, какой тип путешествия совершил молодой Карамзин в 1789–1790 годах, и вопрос о том, какой тип путешественника Карамзин создал для своих читателей. Об этих двух вопросах пойдёт речь в данной статье, написанной на основе предисловия к уже упомянутому сборнику 2014 года.

1) Тип путешествия.

Специалисты до сих пор спорят между собой, стараясь определить, какой тип путешествия совершил Карамзин. Некоторые, например, американская исследовательница Ингрид Клиспиз или русская исследовательница И.С. Абрамовская, относят его к практике «большого турне», напоминая, что это была популярная социальная практика в России последней трети XVIII века³. Однако, если рассмотреть путешествие, описанное в тексте Карамзина, с социологической точки зрения, становится очевидным, что это не было «большое турне». Во-первых, Карамзин был членом не знати, а всего лишь среднего дворянства.

¹ Baudin R. // Nikolaï Karamzin en France. L'image de la France dans les Lettres d'un voyageur russe. Paris, 2014.

² О Карамзине в Англии, см.: Cross A. G. Karamzin and England. Slavonic and East European Review. 43/100. 1964. P. 91–119; о Карамзине в Женеве, см.: Gellerman S. Karamzine à Genève: notes sur quelques documents d'archives concernant les Lettres d'un voyageur russe / Bankowski M., Urech H. // Fakten und Fabeln: schweizerisch-slawische Reisebegegnung von 18. Bis zum 20. Jahrhundert. Basel-Frankfurt am Main, 1991. P. 73–90; о Карамзине в Германии, см.: Meunier [Bracquenier] Ch. L'image de l'Allemagne dans les Lettres d'un Voyageur russe de Karamzine / Combes A., Corbin A.-M., Fougeron I. // Images de l'altérité. Villeneuve-d'Ascq, 2002. P. 117–125; Panořky G. S. Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany. Fiction as Facts. Wiesbaden, 2010; о Карамзине в Эльзасе, см.: Baudin R. Nikolaï Karamzine à Strasbourg. Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789). Strasbourg, 2011.

³ Kleespies I. East West Home is Best: the Grand Tour in D. I. Fonvizin's Pis'ma iz Francii and N. M. Karamzin's Pis'ma russkogo putešestvennika. Russian Literature. 52/1-3. 2002. P. 251–269; Абрамовская И. С. Н. М. Карамзин в поисках пространства и времени / Золотой век Гран Тур. Путешествие как феномен культуры. СПб, 2012. С. 78–88.

Как таковой, он не мог себе позволить расходы, которые предполагало «большое турне»¹. Известно, что ему пришлось взять деньги в долг, чтобы совершить путешествие; не исключено также, как утверждают некоторые источники, что он отправился за границу на деньги московских масонов².

Во-вторых, Карамзин не был студентом, в отличие от подавляющего большинства молодых аристократов, которые совершали «большое турне»³. Он совершил путешествие один, а не в компании гувернёра, и не учился в учебных заведениях или на частных курсах в тех городах, в которых он останавливался.

В-третьих, его путешествие не служило для подготовки к будущей карьере, как это часто бывало с «большим турне» молодых аристократов, которые в нём находили возможность завязать выгодные связи в среде русской дипломатии за рубежом⁴. Правда, Карамзин использовал материал, накопленный за рубежом, для сочинения текста, который его сделал известным. Однако, речь идёт о накоплении скорее культурного, чем социального капитала.

В-четвёртых, Карамзин не включил в своё путешествие пребывание в Италии, которое являлось неизбежной частью любого «большого турне», так как эта практика была отчасти предназначена для того, чтобы ознакомить молодых аристократов с культурным наследием античности и Возрождения⁵.

Наконец, изучение травелога Карамзина показывает его равнодушие к искусству, особенно к живописи, рассмотрение которой являлось опять-таки неизбежной частью «большого турне»⁶. Получается, что его путешествие не было «большим турне».

Другие исследователи, в частности Алла Кейтен, предложили увидеть в путешествии Карамзина немецкое «Bildungsreise», то есть путешествие, принятое для усовершенствования образования⁷.

Предположение Кейтен правильно. Действительно, описание поведения Путешественника в Германии близко напоминает культурную практику, широко распространённую в Германии в XVIII веке, и которую Кейтен описывает следующим образом. Согласно ей, немецкие студенты в ходе образовательного

¹ О русских участниках «большого турне», см. Berelowitch W. La France dans le "Grand Tour" des nobles russes au cours de la seconde moitié du 18e siècle. Cahiers du Monde russe et soviétique. 34/1. 1993. P. 193-210; Berelowitch W. Les récits des voyageurs russes en France dans la seconde moitié du XVIIIe siècle / Dulac G. // La culture française et les archives russes. Une image de l'Europe au XVIIIe siècle. Ferney-Voltaire, 2004. P. 7-14.

² О доходах Карамзина и его дорожных расходах, см.: Panofsky G. S. Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany. Fiction as Facts. P. 65-67.

³ Berelowitch W. La France dans le "Grand Tour".... P. 198.

⁴ Ibid. P. 194. См. так же Dickinson S. Breaking Ground. Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin. Amsterdam – New-York, 2006. P. 27, 37.

⁵ Layton S. The Divisive Modern Russian Tourist Abroad: Representations of Self and Other in the Early Reform Era. Slavic Review. 68/4. 2009. P. 848. Footstep 1.

⁶ Об этом (относительном) равнодушии, см.: Baudin R. Karamzin critique d'art / Troubetzkoy L. Viellard S. // La Lettre et l'esprit : entre langue et culture. Études à la mémoire de Jean Breuillard. Revue des Études slaves. 83/2-3. 2012. P. 731-758.

⁷ Кейтен А. «Немецкий писатель» Карамзин. Новое литературное обозрение. 60. 2003. С. 96-105.

процесса совершали путешествие по стране, для того, чтобы навестить известных писателей и философов. В карамзинском тексте, Путешественник действительно посещает Канта, Гердера и Виланда, а также безрезультатно пытается добиться встречи с Гёте в Веймаре.

К тому же, как было принято в этой практике, ему, видимо, не нужны рекомендательные письма, чтобы попасть к этим интеллектуальным авторитетам.

Однако, эта культурная и социальная модель подходит только к определению немецкой части карамзинского путешествия. Когда он доезжает до Франции, Карамзин перестаёт общаться с писателями. Правда, он обращается к некоторым, например, к Бартеlemi¹, но не получает от него приглашение его навестить. Таким образом, он лишён возможности обсудить с французскими писателями их идеи и произведения, как он это делал с их немецкими коллегами. Получается, что карамзинское путешествие в категорию «Bildungsreise» не годится, или годится только в Германии. Как, в таких условиях, определить путешествие во французской части текста?

По моему мнению, французскую часть путешествия следует охарактеризовать как туристическое путешествие в современном смысле слова. Понятно, что исторически современный туризм развился только в XIX веке как массовое социальное явление, тесно связанное с развитием поезда и парохода².

Однако, поразительно, что некоторые аспекты, входящие в определение современного туризма, встречаются в путешествии Карамзина. Согласно историкам туризма Анн Горсуч и Диан Кенкер, современный туризм определяется как практика, предполагающая три формы потребления:

- потребление визуальное;
- потребление материальное;
- потребление культурное³;

Поразительно, что карамзинское путешествие содержит все три формы потребления. Его путешественник осматривает разные места, читает о них и покупает разные товары, с ними связанные, во время путешествия.

К тому же, а это особенно характерно для современной формы туризма, его практики материального потребления скромны. В отличие от таких аристократов, совершающих «большие турне», как граф Александр Строганов или Юсуповы, Карамзинский путешественник, а за ним и сам Карамзин, не покупает античные скульптуры или картины художников Возрождения. Он покупает книги⁴, гравюры⁵, одежду (ведь известно, что он вернулся в Россию одетым

¹ Упоминание французских писателей и несостоявшихся встреч с ними находится в письме 103.

² Layton S. The Divisive Modern Russian Tourist Abroad. P. 849.

³ Gorsuch A. E., Koenker D. P. Introduction / Gorsuch A. E., Koenker D. P. // *Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism*. Ithaca, 2006. P. 2.

⁴ О значении чтения в жизни чувствительного человека, см.: Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма (эстетические и художественные искания). СПб., 1994. С. 156–189.

⁵ Об интересе Карамзина к гравюрам, см. мою статью: Baudin R. Shaping National Identities and Politics: French and British Foodways in Karamzin's Letters of a Russian Traveler / Waegemans E., van Koningsbrugge H., Levitt M., Ljustrov M. // *A Century Mad and Wise, Russia in*

по последней парижской моде¹), то есть именно те маленькие вещи, которые характерны для практик потребления современных туристов.

Это не удивительно, учитывая, что сентиментализм, развитый в России Карамзиным на основе идей западных сентименталистов вроде Руссо, Стерна или Гёте, развил этику среднего человека, предназначенную для среднего дворянства, для которого писал Карамзин².

Правда, Сюзан Лейтон считает, что тип современного туриста формировался в России только в 1840-е годы, и что он сформировался, под влиянием типа английского туриста, именно как анти-карамзинский путешественник, отказавшийся от интеллектуальных удовольствий, преследуемых карамзинским Путешественником, в пользу исключительно материальных. Карикатурным воплощением этого нового типа русского путешественника является, по мнению английской исследовательницы, героиня Мятлева госпожа Кудрюкова, которая не понимает искусство, увиденное в западных музеях, но ликует в ресторанах и бутиках Европы. Сюзан Лейтон права относительно «Писем русского путешественника» в целом. Однако, она недооценивает специфику французского эпизода текста, который показывает, как карамзинский Путешественник открывает для себя те формы материального потребления, которые как раз войдут в определение специфики туристов 1840 годов³.

К тому же, в карамзинском тексте встречается другая характеристика, свойственная современному туризму, разработанному англичанами. Она заключается в том, что визуальная и культурная практики потребления, ими развитые, часто входили в коммерческую стратегию. Известно, что русская писательница эпохи романтизма Елизавета Васильевна Кологривова негодовала на англичан, посещающих Россию, упрекая их в коммерциализации увиденного в России в форме путевых записок⁴. За сорок лет до этого, Карамзин уже оказался в ситуации англичан, осуждённых Кологривовой. В эпизоде «Писем русского путешественника», описывающем встречу с Виландом, Путешественник рассказывает о том, как немецкий писатель раздражается на него, подозревая молодого россиянина в намерении записать их разговор, чтобы потом опубликовать его содержание в виде путевых записок⁵.

Итак, с точки зрения социологии, путешествие Карамзина относится к разным видам. В Германии это «Bildungsreise», а во Франции раннее туристическое путешествие. К этим определениям можно добавить определение «сентиментального путешествия» для швейцарской части и публицистическое, тематически-синтетическое описание для английской части.

---

the Age of the Enlightenment. Groningen, 2015. P. 79-91.

¹ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. СПб., 1997. С. 183–184.

² Kahn A. Introduction: Karamzin and the creation of a readership / Karamzin N. Letters of a Russian traveller. A translation and study by Andrew Kahn. Oxford, 2003. P. 10.

³ Layton S. Our Travelers and the English: A Russian Topos from Nikolai Karamzin to 1848. Slavic and East European Journal. 56/1. 2012. P. 1–20.

⁴ Layton S. The Divisive Modern Russian Tourist Abroad. P. 850.

⁵ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. Письмо 34. С. 74.

Получается, что тип описанного путешествия меняется в зависимости от каждого эпизода, точно так же, как сам путешественник адаптируется к каждому новому пространству, через которое он проезжает. Символом этой способности к адаптации служит в тексте «Писем» мультилингвизм Путешественника, которым писатель явно очень гордится, а, на уровне мотивов, кокарда, которую Путешественник надевает на шляпу при въезде во Францию, а бросает в Манш при отправлении в Англию¹.

2) Маршрут Карамзина.

Для дополнительного определения путешествия Карамзина во Францию стоит сказать несколько слов о его маршруте. К Франции карамзинский путешественник подъезжает из Женевы. Далее Путешественник путешествует по привычному для всех тогдашних путешественников пути через Лион, Макон и Дижон, используя как дилижансы, так и речные корабли для того, чтобы доехать до Парижа².

После парижского эпизода Путешественник также преследует традиционному маршруту, доезжая до Кале, для того, чтобы поплыть в Великобританию. Для описания этих маршрутов характерно равнодушие писателя к пересекаемым пространствам. По дороге в Париж, а потом в Кале, Карамзин не описывает разнообразие французского ландшафта. Наоборот, он его сводит к общим географическим сведениям, упоминая лишь преобладание холмов или равнин. Он также сводит своё описание к упоминанию сведений климатических, упоминая изменение погоды по мере продвижения к северу, или экономических, проявляя во многом незнание экономической жизни страны.

Интересным аспектом описания географии Франции является её использование в качестве политической метафоры. Франция выглядит просторно после маленькой Швейцарии, как видно по описанию широких равнин, появившихся перед глазами Путешественника при въезде в регион Лиона. Описывая панораму, карамзинский рассказчик вспоминает Россию³. В этом нет ничего удивительного с точки зрения чистой географии. Однако интересно, что просторы Франции воспринимаются как метафора её культурного величия и господства над Европой. В таком контексте, несложно угадать, что обилие в России подобных просторов служит обещанием будущего, не менее блестящего, чем настоящее Франции.

За исключением только что упомянутых элементов, описание географии Франции в карамзинском тексте остаётся минимальным и во многом сводится к описанию путевых условий. Упоминаются цены за обеды в трактирах, качество еды и обслуживания и сверх того качество дорог. Когда он наконец-то описывает конкретное место, что не так часто бывает, Карамзин его воспринимает

¹ Lettre au Spectateur sur la littérature russe / Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 459, 461.

² Brilli A. Quand voyager était un art. Le roman du Grand Tour. Saint-Pierre de Salerne, 2001. P. 48; Black J. The British Abroad. The Grand Tour in the Eighteenth Century. Stroud, 2003. P. 30–31.

³ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Письмо 88. С. 193.

через призму литературных категорий. Например, его описание так называемой Потери Роны является стилизацией описания во вкусе берковского возвышенного, а его описание Кале стилизацией описания во вкусе Стерна¹. Единственным местом, избежавшим этого сведения к литературным штампам, является Париж, «Мекка русских в 18 веке»². Именно этим объясняется внимание Карамзина к качеству французских дорог: хорошие дороги быстрее приведут в столицу.

Получается, что карамзинская ментальная карта Франции более или менее сводится к одному только Парижу. Это подтверждает тот факт, что один Париж воспринимается Карамзиным как истинно французский. Остальная территория Франции кажется культурно чужой, так как подвергается культурной контаминации соседних стран. Горы, описанные в регионе Эн, напоминают Швейцарию; Кале, как было уже сказано, очевидно принадлежит к английскому миру, так как его описание осуществляется с помощью стерновских клише. Юг Франции, наконец, тоже является чуждой территорией, так как он тесно ассоциируется с древностью и Возрождением (в том числе с именем Петрарки), которые в тексте Карамзина связаны с Италией.

Так как Карамзин ищет во Франции то, что ему кажется исконно французским, он не считает нужным посмотреть те части страны, которые он культурно не ассоциирует с ней. Именно этим объясняется его равнодушие к Югу, ставшее уже давно предметом удивления для специалистов по творчеству писателя³, так как посещение Юга Франции могло бы заменить, по их мнению, пребывание в Италии, необходимое для любого «Большого турне».

К этой причине, объясняющей равнодушие Карамзина к Югу, можно, однако добавить и следующие: во-первых, известно, что весной 1790 года Авиньона постигла волна революционного насилия⁴. Во-вторых, как Путешественник сам это объясняет в своём травелогe, он отказался от посещения Юга ради дружбы с Бекером, с которым он сблизился во время пребывания в Швейцарии, и вместе с которым он решил отправиться в Париж. Слово «дружба» является здесь ключевым. В самом деле, нельзя недооценить значение дружбы не только в культуре сентиментализма вообще, но и в социальной практике путешествия⁵. В-третьих, путешествовать было всегда лучше группой, так как дороги были не

¹ А. Кан видит в эпизоде в Кале своего рода переходный обряд. См.: Kahn. A. Nikolai Karamzin's discourses of Enlightenment / Karamzin N. Letters of a Russian traveller. P. 466.

² Mohrenschildt D. von. Russia in the Intellectual Life of Eighteenth-Century France. New-York, 1972. P. 37. О заманчивости Парижа в глазах русских путешественников, см. так же Berelowitch W. La France dans le "Grand Tour"... P. 196–197, 201–203.

³ Решение Путешественника не ехать в Италию озадачило, например, Лотмана. См.: Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. С. 183–184.

⁴ Soullier Ch. Histoire de la Révolution d'Avignon et du Comté-Venaissin en 1789 & années suivantes. T. 1. Paris – Avignon, 1844. P. 7–11. Лотман считал, что волнения охватывали также Ним. Однако в Ниме волнения начались только в мае. См.: Pontecoulant A. de Histoire des révolutions des villes de Nîmes et d'Uzès. Nîmes – Paris, 1820. P. 107–129. О мнении Лотмана, см.: Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. С. 100–101.

⁵ Клейн Й. Русская литература в XVIII веке. М. 2010. С. 213. О значении дружбы в "Письмах русского путешественника", см.: Kochetkova N. D. Nikolay Karamzin. Boston, 1975. P. 72.

безопасны, тем более в первые месяцы Французской революции, когда люди опасались разрушения административного, в том числе полицейского, аппарата Франции¹. В-четвёртых, на Юг путешествовали скорее зимой, особенно путешественники со слабым здоровьем, бежавшие от сурового северного климата. В случае Карамзина, зима уже прошла (он её провел в Женеве), и поэтому ехать на Юг не представляло интереса. И наконец, как было сказано выше, Юг ассоциировался с культурой античности, то есть с культурой, не существенно важной для молодого Карамзина, который не изучал древние языки в молодости и получил среди московских масонов образование, ориентированное скорее на современную, предромантическую, европейскую литературу².

3) Что смотрел Карамзин во время пребывания во Франции?

В своей обзорной статье, опубликованной в «Северном Зрителе» в 1797 года Карамзин писал по поводу своего литературного двойника: «его интересуется всё»³. Проверить правдивость такого утверждения показалось интересным при изучении французской части карамзинского текста. Оказалось, что это далеко не правда.

Во-первых, Путешественника, в отличие от какого-нибудь Радищева, например, или от студентов, совершающих «большое турне», не интересуют ни науки, ни экономика, ни сельское хозяйство. Такое равнодушие можно истолковывать по-разному. С одной стороны, оно является следствием неполного образования, полученного молодым Карамзиным в пансионате Шадена в Москве, где акцент, сделанный на гуманитарную культуру и нравоучительную литературу, не оставлял много места для точных наук⁴. В этом отношении Карамзин воплощает человека эпохи Просвещения в меньшей степени, чем Радищев, который сочетал интерес к литературе и философии с интересом к праву, экономике и точным наукам.

С другой стороны, в этом равнодушии можно видеть проявление социальной автономии Карамзина. Студенты, совершающие «Большое турне», посещали научные институты и лаборатории и писали о науках, технологиях и сельском хозяйстве, потому что это входило в задачи, поставленные перед ними гувернёрами, согласно учебному плану, согласованному последними с родителями молодых людей⁵. Что касается Радищева или, в меньшей степени, Фонвизина, они писали об этом потому, что считали себя обязанными подпитать любо-

¹ Black J. The British Abroad. Chapter 7: « War, dispute, accidents and crime ». P. 166-192.

² Булич. Карамзин в пансионе Шадена / Покровский В. И. // Николай Михайлович Карамзин. Его жизнь и сочинения. М., 1908. С. 26.

³ Lettre au Spectateur sur la littérature russe / Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 458.

⁴ Cross A. G. Karamzin and England. P. 1-2; Булич. Карамзин в пансионе Шадена. С. 23-26.

⁵ Среди многочисленных примеров, можно упомянуть Павла Строганова, который, в дневнике и в письмах отцу, описывал все, что его гувернер, строгий Жильбер Ромм, считал важным. Об этом, см.: Julia D. Gilbert Romme, gouverneur (1779-1790) / Ehrard J. // Gilbert Romme (1750-1795). Paris. 1996. P. 70; Чудинов А. Жильбер Ромм и Павел Строганов: История необычного союза. М., 2010. С. 161.

знательность своих покровителей в рамках системы патронажа¹. В таком контексте равнодушие Карамзина к этим серьёзным предметам можно интерпретировать как знак социальной независимости человека, желающего заменить финансовую поддержку покровителя поддержкой читающей публики.

Будучи равнодушным к наукам, Путешественник зато интересуется учёными. Однако, последние присутствуют в тексте «Писем» исключительно как светские фигуры парижского хорошего света и Путешественник крайне пренебрежительно, а порою даже иронично, отзывается об их научных достижениях. В качестве примера, можно упомянуть эпизод с парижским путешественником Вайаном. О нём карамзинский рассказчик пишет, что у него очень красивая жена, и что он напрасно её оставляет одну в Париже, чтобы путешествовать в отдалённую Африку².

Вторым предметом, к которому карамзинский путешественник относится равнодушно, является искусство. Его описание искусства минимально и носит в основном интертекстуальный характер³. В Саксонии, например, Путешественник посещает знаменитую дрезденскую картинную галерею, но его описание в основном взято из современных брошюр, описывающих галерею, и не содержит эмоционального элемента, свидетельствующего о личном восприятии увиденного. Во Франции карамзинский Путешественник тоже неоднократно упоминает картины, увиденные в разных дворцах или церквях, но речь идёт преимущественно об итальянской барочной или о французской классической живописи 17 века, в чём проявляется конформизм Карамзина в области живописи. Картины, которые он упоминает, более или менее те, что должны были посмотреть и которым должны были подражать русские студенты, отправляемые в Париж Санкт-петербургской академией художеств⁴. Поразительно, что он ни слова не говорит о новом веянии неоклассицизма, торжествующем на парижском салоне 1789 года, то есть всего за несколько месяцев до его приезда в столицу Франции⁵.

Карамзин и не скрывает своё равнодушие. Наоборот, он его инсценирует в тексте, чтобы утвердить преимущество субъективности над эрудицией⁶. Такое утверждение выполняет две функции в тексте «Писем».

¹ В своих письмах Никите и Петру Панинам, Фонвизин описывал разные аспекты экономической и политической жизни дореволюционной Франции, от фабрик в Лионе до открытия парламента в Лангедоке. См.: Фонвизин Д. И. Письма из Франции. Письмо 1, Петру Ивановичу Панину, Монпелье, 22 ноября (3 декабря) 1777 / Фонвизин Д. И. Собрание сочинений в двух томах. М.-Л. 1959. С. 456–457; Что касается Радищева, то в своих сибирских письмах Александру Воронцову, он описывает географию Сибири и состояние коммерции России с Китаем. Об этом см.: Baudin R. The Public Self and the Intimate Body in Radishchev's Letters from Exile. Canadian Slavonic Papers. L/3-4 (September-December 2008). P. 306.

² Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Письмо 118. С. 298.

³ Cross A. G. Karamzin and England. P. 84.

⁴ Марисина И. М. Западно-европейское искусство глазами русского путешественника / Толстой А. В. // Россия – Европа. Из истории русско-европейских художественных связей XVIII – начала XX вв. М., 1995. С. 54.

⁵ Baudin R. Karamzine critique d'art. P. 745-749.

⁶ Ibid. P. 733.

Во-первых, оно подчёркивает связь карамзинского текста с его прообразом – «Сентиментальным путешествием» Стерна, которое было во многом задумано как ироничный ответ на эрудицию путевых записок Смолетта¹.

Во-вторых, оно отражает намерение Карамзина обратиться к новой читательской публике молодых людей и женщин, лишённых культурного капитала, необходимого для понимания любой сложной дискуссии об искусстве.

Равнодушие Путешественника к искусству знает одно исключение. Речь идёт о его интересе к скульптуре², который объясняется тремя причинами: во-первых, интерес к скульптуре в Карамзине очевидно подпитывала практика надгробного туризма, распространённая среди чувствительных людей³; во-вторых, в Лионе, он познакомился с скульптором Жозефом Шинаром, что ему дало возможность сопоставить свой собственный дискурс о творчестве с дискурсом скульптора⁴; в-третьих, Карамзин явно ассоциировал скульптуру с идеями Винкельмана, которые он почерпнул из разговоров с Гердером в Германии и, возможно, из чтения «Физиогномики» Лафатера. Это могло бы объяснить, почему его интерес к неоклассической скульптуре, которую он явно предпочитает барочной, не простирается до неоклассической живописи⁵.

Более неожиданным образом Путешественник кажется «равнодушным» к современной французской литературе. Такое «равнодушие» на самом деле является следствием отсутствия у Карамзина доступа к известным современным французским писателям. В Париже он представляется аббату Бартеlemi, автору философского романа «Путешествие молодого Анахарсиса», но тот не принимает его у себя. Таким же образом, несмотря на его намерение познакомиться с Мармонтелем, Лагарпом, Мерсье, Шамфором и Флорианом, ему видимо этого не удастся. В этом отношении французский опыт Карамзина сильно отличается от его немецкого опыта, что заставляет его обратиться к другим формам потребления литературы. Формы, к которым он обращается, более доступны, в том смысле, что они не ограничены социальным статусом Путешественника.

Во-первых, он совершает литературные паломничества по местам, ассоциирующимся с памятью великих писателей прошлого. В Женеве он посещает Ферней, а в Париже Эрменонвиль, где похоронен Руссо, что ему даёт возможность представиться одним из его литературных наследников⁶.

¹ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. С. 219.

² Kahn A. Nikolai Karamzin's discourses of Enlightenment. P. 531.

³ Ibid. P. 527-537.

⁴ Karpova E. Karamzin dans l'atelier Lyonnais de Joseph Chinard / Baudin R. // Nikolai Karamzin en France. P. 138-144. Изначально опубликовано в России как Карпова Е. В. Лионский эпизод в "Письмах русского путешественника" Н. М. Карамзина. XVIII век. 25. СПб., 2008. С. 124-129.

⁵ Бодэн Р. О формировании классического вкуса в русской литературе XVIII века (Н.М. Карамзин, Ж.Б. Пигаль и Ж. Шинар) / Kunze M., Lappo-Danilevskij K. // Antike und Klassizismus – Winckelmanns erbe in Russland. Mainz und Ruhpolding, 2016. P. 11-24. В печати.

⁶ Kahn A. Nikolai Karamzin's discourses of Enlightenment. P. 521. О походе в Эрменонвиль, см. также Schönle A. Authenticity and Fiction in the Russian Literary Journey, 1790-1840. Cambridge MA, 2000. P. 51-53.

Во-вторых, он посещает парижские театры, где получает прямой доступ к современной французской литературе, вне зависимости от посредничества её авторов. К тому же описание посещения театров предоставляет писателю возможность изобразить ещё две вещи: интеллектуальную компетенцию Карамзина-театрального критика; двойную социальную и культурную компетенцию, заключающуюся в умении говорить по-французски с другими зрителями в театре¹ и остроумничать, этим развлекая парижских дам, сидящих рядом с ним².

Итак, что же интересовало карамзинского Путешественника в Париже? Во-первых, его интересовала публичная сфера, с которой он ознакомился, посещая такие места, как кафе, бульвары, лавку цирюльника и книжные магазины. Эти места были известны как пространство циркуляции и обсуждения информации³. А это было особенно важно в начале 1790-х годов, то есть в годы интенсивного публичного дебата, подобного которому быть не могло в Петербурге и Москве. Как пространство, отдельное от двора и свободное от его влияния, публичная сфера воплощала в глазах Карамзина высшую степень общественно-го развития, которую он видел не в политической, а в интеллектуальной свободе, то есть не в праве участвовать в политической жизни, а в праве иметь доступ к информации и знанию⁴. Публичная сфера предполагала общение с людьми, поэтому её парадоксальным образом воплощает Франция, а не Англия, где гражданское общество было куда более развито, но где Карамзин, по причине плохого знания английского, не мог участвовать в разговорах местных жителей⁵. Германия и Швейцария такие удовольствия не предлагали, так как в тексте «Писем» первая изображалась как страна уединённого интеллектуального удовольствия, получаемого учёным в своём кабинете, а вторая как страна одинокого удовольствия, получаемого от созерцания возвышенной природы. На этом фоне Париж является городом коллективных удовольствий. Не удивительно, в таком контексте, что наибольшее количество диалогов в тексте «Писем» встречается именно во французском эпизоде.

Какую ментальную карту⁶ Парижа предлагает русскому читателю карамзинское описание парижского публичного пространства? В целом, эта карта соответствует общей ментальной карте иностранных путешественников второй половины 18 века⁷. Она состоит из двух кругов. Внешний круг – самый широкий. Он простирается к северу до бульваров, к югу до обсерватории, к западу до Елисейских Полей, а к востоку до Ворот святого Антуана, близ Бастилии.

¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Письмо 89. С. 196.

² Там же. Письмо 107. С. 267.

³ Kahn A. Nikolai Karamzin's discourses of Enlightenment. P. 506.

⁴ Breuillard J. La culture française comme pratique / Baudin R. // Nikolai Karamzin en France. P. 196–197.

⁵ О затруднении Карамзина говорить по-английски, см.: Cross A. G. Karamzin and England. P. 103.

⁶ Lazarev A. Les cartes mentales de Paris aux XVe-XVIIe siècles / Belleguic T., Turcot L. // Les Histoires de Paris (XVIe-XVIIIe siècle). Paris, 2012. T. 1. P. 419–438.

⁷ Garrioch D. La fabrique du Paris révolutionnaire. Paris, 2013. P. 27–28.

Внутренний круг образует своего рода архипелаг островов, состоящих из интеллектуальных, культурных и социальных институтов вроде библиотек, академий, университетов, больниц, тюрем или школ для слепых или глухонемых, иными словами, мест, выполняющих идеологическую программу Просвещения, изучения и усовершенствования человеческой природы¹.

Внутри этих двух кругов, Карамзин составляет для своих читателей как нормативные маршруты, так и нормативные манеры по ним следовать².

Ставя в пример Путешественника, Карамзин призывал читателей к двум вещам: во-первых, гулять по городу пешком, что было ново для большинства европейцев того времени, и тем более для русских, для которых способ передвижения служил сильным классовым маркером³; во-вторых, гулять по городу с его книгой в руке, для того, чтобы читать прямо на месте о тех местах, которые они будут смотреть⁴. Эта особая манера открыть незнакомый город была новой для русских читателей. Она вдохновлялась примером французской книги Пулена де Сен-Фуа, «Исторические очерки о Париже» (1754–1778 годы).

Влияние Сен-Фуа на травелог Карамзина отметил ещё Василий Сиповский⁵. Однако историк литературы не определил, что именно Карамзин позаимствовал у него, за исключением отдельных мотивов. У Сен-Фуа Карамзин взял больше, чем описания. Он у него взял три принципа: во-первых, он позаимствовал его дискурсивную модель, подражающую форме разговора между автором/гидом и читателем/гостем столицы. Следует отметить, что эта модель сыграла важную роль в успехе книги Сен-Фуа. Во-вторых, он позаимствовал у Сен-Фуа его вкус к историческим анекдотам, который позволял французскому писателю нарисовать целую галерею живых портретов; наконец, он у него позаимствовал отказ от эрудиции, в котором Сен-Фуа видел возможность расширить свою читательскую публику⁶.

Вкус к портретам, позаимствованный у Сен-Фуа, приводит нас ко второму пункту, который интересовал Карамзина в Париже: его интересовали люди⁷. Французский эпизод «Писем» предлагает читателям разные парижские типы: некоторые традиционны как для французской, так и для русской литературы 18 века. Речь идёт о щёголе, франте, салонном аббате или хитром слуге. Другие, наоборот, новы, например, бедный французский эмигрант, который вошёл в русскую литературу именно с «Письмами русского путешественника»⁸. Иные,

¹ Kahn A. Nikolai Karamzin's discourses of Enlightenment. P. 506.

² Turcot L. Le promeneur à Paris au XVIIIe siècle. Paris, 2007. P. 283.

³ Ibid. P. 276.

⁴ Ibid. P. 281.

⁵ Сиповский В. В. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899. С. 262.

⁶ Coulomb C. La première histoire de Paris pour le grand public : Les essais historiques sur Paris de Poullain de Saint-Foix (1754–1778) / Belleguic T., Turcot L. // Les Histoires de Paris (XVIe–XVIIIe siècle). T. 2. P. 381–382.

⁷ Kochetkova N. D. Nikolay Karamzin. P. 66.

⁸ Baudin R. La figure de l'émigré français dans les Lettres d'un voyageur russe / Baudin R. // Nikolaï Karamzin en France. P. 145–157.

наконец, совсем оригинальны: это тип бедного эрудита, или тип бедняги, расклеивающего плакаты на улицах. Как отметила Ангелина Вачева, Карамзин также изобразил парижских женщин, которые и многочисленнее, и свободнее, чем женщины из других частей книги¹. К этому верному замечанию, надо добавить, что женщины в парижском эпизоде изображены как социально автономные лица, тогда как в Швейцарии они представляли только в семейном кругу, а в Англии только с мужьями. Эта социальная независимость выражается метафорически в том, что женские персонажи во Франции одарены словом. Они вступают в разговор с мужчинами, даже неизвестными, как русский Путешественник. Французская часть текста содержит не только самое большое количество женских фигур, но ещё и самое большое количество диалогов с участием женских персонажей. Конечно, каждая роза имеет свою колючку, и рассказчик, с удовольствием вступив в разговор с неизвестной дамой в театре, вдруг приходит в ужас от мысли, что она наверно проститутка, и поэтому так свободно с ним общается².

Однако в этом и заключается специфика парижской жизни, соблазнившая Путешественника: в Париже социальные идентичности мобильны. Карамзинский рассказчик не знает, с кем он имеет дело: с дамой, или проституткой? Таким же образом, он восхищается от мысли, что бедный человек может быть эрудитом. Его очевидно поражает то, что Париж не дискриминирует людей в зависимости от их социального происхождения, а наоборот интегрирует всех, кто согласен усвоить правило учтивости. Способность французской столицы к интеграции всех символических воплощена в пространстве кафе, которое принимает любых клиентов, при условии, что они будут признавать общие правила парижской социальности.

Заключение: фланёрство как приём литературного новаторства

В завершение данной статьи нужно сказать несколько слов о статусе Путешественника. Как я упомянул раньше, карамзинский рассказчик ходит по городу пешком с путеводителем в руке. К этому нужно добавить, что он большинство времени один, и что у него много свободного времени. По этим причинам он воплощает тип парижского «прогуливающегося по городу» («le promeneur parisien»)³. Тип «прогуливающегося по городу» предвещает тип фланёра, дорогой Бодлеру и Беньямину, и ассоциирующийся с городской культурой 19 века. Однако он появился до него, в том числе, как показали недавние научные исследования, на страницах английских сатирических журналов 18 века⁴.

¹ Vatcheva A. Les Françaises dans les Lettres d'un voyageur russe / Baudin R. // Nikolai Karazin en France. P. 121–130.

² Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Письмо 107. С. 266–267.

³ Turcot L. Le promeneur à Paris au XVIIIe siècle. P. 13.

⁴ Conlin J. Mr. What-d'-ye-call-him : à la recherche du flâneur à Paris et à Londres au XVIIIe siècle / Belleguic T., Turcot L. // Les Histoires de Paris (XVIe-XVIIIe siècle). T. 2. P. 73. Интересно, что в уже упомянутой статье, Сюзан Лейтон упоминает фланёра как одну из маск русского туриста 1840-х годов, которого она сопоставляет "карамзинскому интеллектуальному путешественнику". Как и с типом туриста, мне кажется, что у Карамзина уже встречаются черты будущего фланёра. См.: Layton S. Our Travelers and the English. P. 15.

Статус «прогуливающегося по городу» предоставляет Карамзину и его литературному двойнику две возможности. Сначала он создаёт идеальную позицию для созерцания. Переставая взаимодействовать с окружающими, рассказчик превращается в «пассивного и молчаливого созерцателя»¹, что позволяет ему смешаться с толпой и лучше её описать, сосредотачиваясь на самых ярких типах парижан². Потом, эта прозрачность рассказчика в толпе, которая будет характерной чертой фланёра у Бодлера³, способствует самоидентификации читателя с рассказчиком. Отводя внимание читателя от себя, рассказчик направляет его взгляд на те вещи, на которые он сам смотрит, предлагая ему принять его позицию. Такое отождествление существенно важно для Карамзина, так как оно обеспечивает усвоение читателем поведенческих моделей, которые он ему предлагает.

Каким бы продуктивным он ни был с точки зрения семиотики, статус «прогуливающегося по городу», усвоенный Карамзиным, не полностью был результатом свободного выбора с его стороны. Похоже, он сначала был скорее результатом личного опыта социальной фрустрации, пережитого писателем.

Напоминаю факты:

Во-первых, как было уже сказано, Карамзин не был принят писателями первого разряда. Во-вторых, ему, видимо, не удалось попасть в самые интересные салоны. Правда, аббат Н*, упомянутый в письме 95, объясняет Путешественнику, что салоны стали закрываться с началом Революции, которая обрекла столичную интеллектуально-светскую жизнь на гибель. Однако, как объясняет специалист по истории парижских салонов Антуан Лильти, салонная жизнь активно продолжалась в первые месяцы Революции⁴, что наводит на мысль о том, что у Карамзина просто не было к ней доступа. В-третьих, Путешественник, а за ним и сам Карамзин, в Париже видимо общался преимущественно с иностранцами, к тому же с молодыми иностранцами вроде Датчанина Бекера или Немца Вольцогена, или же с младшими сотрудниками русского посольства⁵.

Всё это было следствие скромного социального статуса Карамзина. Как представитель периферийной культуры он не вызывал большого интереса у парижской публики. Тем более, что он не мог это компенсировать ни личным знакомством с Императрицей, превращённой Вольтером, Дидро и Гримом в сильный миф французского Просвещения, ни роскошью, которой русские вельможи восхищали Парижан, но которая была ему недоступна, ввиду его ограниченных финансовых возможностей⁶.

¹ Kahn A. Nikolai Karamzin's discourses of Enlightenment. P. 468.

² Conlin J. Mr. What-d'ye-call-him : à la recherche du flâneur à Paris et à Londres au XVIIIe siècle / Belleguic T., Turcot L. // Les Histoires de Paris (XVIe–XVIIIe siècle). T. 2, 73.

³ Ibid. P. 74.

⁴ Lilti A. Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. Paris, 2005. P. 399.

⁵ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. С. 159, 170–179.

⁶ В одном из писем из Лиона, Француз, с которым Путешественник вступает в разговор, утверждает, что все русские «богаты, как Крез». Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Письмо 89. С. 196.

Другими словами, неблагоприятный статус вызвал социальную фрустрацию. Вместе с тем, этот нежеланный и неприятный опыт превратился под пером писателя в возможность создания новаторского фикционального двойника, близкого экономически к будущему туристу, а культурно к будущему фланёру.

В качестве первого травелога, предназначенного для широкой публики в истории русской литературы, «Письма русского путешественника» показывают, что любой текст, относящийся к этому жанру, является компромиссом между социальными и литературными амбициями писателя с одной стороны, и его личным опытом социальной фрустрации с другой.

Григорьева Е.Ф.

**ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ПИСАТЕЛЯ
КАК ПУТЬ ДУХОВНОГО ДЕЛАНИЯ:
С.Т. АКСАКОВ И Н.М. КАРАМЗИН,**

*или Как тёплое присутствие Карамзина
высвечивает сцепленность аксаковских воспоминаний
мыслью о трудах и речах улаживающих...*

Как показывают воспоминания С.Т. Аксакова, писатель немного писал о Карамзине. Однако упоминания имени Н.М. Карамзина, говорящие о многолетнем аксаковском памятовании, будучи рассмотренными в их совокупности, позволяют несколько дополнить те исследовательские наблюдения, которые поясняют «особость» [2, с. 327] творчества Аксакова, в юности имевшего возможность заметить тёплую доброту и высокое благородство Н.М. Карамзина.

О том, что «Семейной хронике» присуща «установка на достоверность», писал В.А. Кошелев [42, с. 17]. О том, что Аксаков «подытоживал» свою жизнь, — говорила Е.И. Анненкова [34, с. 266]. Своими примечаниями, вступлениями и заключениями Аксаков пояснял «пространство» своей прозы, — напоминала Н.А. Колодина [41, с. 101]. О «сцепленности» [44, с. 73] аксаковских произведений, которую заметил А.С. Хомяков, писал П.М. Тамаев. О том, что, в сущности, впечатления детства «одни и те же у Карамзина и Аксакова» [43, с. 56], заметила Л.А. Сапченко.

Нам важно показать, что многолетнее аксаковское памятование одной доброй записки Карамзина проявляет сцепленность многих аксаковских воспоминаний переживаниями, в которых слышится то *тёплое присутствие* Карамзина, которое помогало Аксакову выстраивать свои воспоминания как *улаживающий и передающий добрые чувства внутренний отцовский диалог с сыном Константином*. Текучесть времени и слабость своих человеческих сил ошутимо чувствовал стареющий Аксаков в 50-е годы; ошутимо чувствовал это в 1816-м году стоявший перед молодым Аксаковым Карамзин, переживавший не только погружение в русскую историю, но и утрату своей драгоценной библиотеки во время московского пожара 1812 года [35, с. 230–231] и кончину дочери [36, с. 259–260].